

Марина Танаева

ОБЛАКА В МОЕМ САДУ

Стихи и рассказы

Курган – 2015

Марина Танаева.

Облака в моём саду. Стихи и рассказы.

– Курган. – Центр «Отклик». – 2015 – 80 с.

Книга издается в авторской редакции

***

Заказ № 1525. Подписано в печать 04.08.2015.

Изготовлено и отпечатано в центре «Отклик».

Курган, ул. 4-я Больничная 8-16, тел. 54-20-53.

С ДУШОЙ И ЛЮБОВЬЮ

С волнением и радостью пишу о Марине Николаевне Танаевой – очень ярком и высоконравственном человеке. Я знаю её уже более десяти лет и не перестаю удивляться её талантам и жизнелюбью.

Да, это правда.

Ведь Марина Танаева – интересный и очень самобытный педагог, как говорится, Педагог с большой буквы. В 1997 году она стала работать учителем иностранных языков в школе №56, а в последние годы преподает в Курганском технологическом колледже. И везде – на любом рабочем месте – М.Н. Танаева трудится с душой и любовью.

Но главная её любовь – это все-таки поэзия: Марина Танаева – член Курганской писательской организации, в феврале 2006 года она была принята в Союз писателей России. Этому событию предшествовало совещание молодых писателей в Нижнем Тагиле, в котором Марина Танаева принимала самое активное участие. Её стихи получили очень высокую оценку руководителей поэтических семинаров, а среди руководителей лей-наставников были ведущие писатели России.

Это совещание стало своего рода рубежом в судьбе М.Н. Танаевой, ведь с этих пор ежегодно, а иногда и чаще, она отчитывается перед курганскими читателями своими поэтическими сборниками и публикациями в наших журналах и газетах. Говоря об этом, все мы – её друзья и коллеги – радуемся за Марину, ведь за последнее десятилетие вышли такие её книги, как «Высокое в повседневном», «Сердцебиение», «Вензеля ночных дорог», «Под непогашенной луной», «Вечерний город», «Дирижер бессонной ночи», «Леди в джинсах» и другие. Её стихи и рассказы регулярно публикуются в журнале «Сибирский край» и альманахе «Тобол», в областной «Православной газете», а

стихи, посвященные деду Афанасию Романову, вошли в книгу зауральских писателей «Памятью написанные строки», вышедшей к 65-летию Великой Победы...

Все последние годы Марина Танаева является старостой Литературной студии при Курганском государственном университете. Именно она, как староста студии, организовала и провела множество творческих встреч и литературных вечеров в библиотеках и школах нашего города и области. Эти встречи и презентации книг становятся яркими событиями в нашей культурной жизни, и проходят они, как правило, в Областном культурно-выставочном центре.

Не могу не сказать о том, что М.Н. Танаева принадлежит к той категории людей, которых мы называем подвижниками, просветителями. Ведь именно Марина Танаева создала свою литературную студию в Курганском технологическом колледже. Мне пришлось неоднократно участвовать в литературных встречах, в обсуждениях и диспутах, которые проходили в рамках деятельности этой студии. Мне также известны и имена многих учеников и воспитанников М.Н. Танаевой, которые уже стали известными авторами лирических стихов и рассказов.

В заключение хочется сказать, может быть, главное: такие люди, как Марина Николаевна Танаева, стали уже гордостью нашего города. Им хочется подражать, на них хочется равняться, ведь от таких людей идет свет Добра и Любви и благодатный свет Знаний.

Виктор Потанин,

член высшего творческого Совета
Союза писателей России, лауреат
литературных премий имени Бунина,
Мамина-Сибиряка, Шукшина, А. Грина и других.

Облака в моем саду

**Во сне, как в Царствии Небесном,
Забывась в сладостном бреду.
Мне снилось: Небеса разверзлись,
И облака в моем саду.**

**Повисли на деревьях вишен,
На ветви яблонь улеглись,
И словно ближе стал Всевышний,
А слезы сами полились.**

**В душе проснулась укоризна:
Перед глазами шли они,
Моей никчемной в чем-то жизни
Уже утерянные дни.**

**От сна со страхом я метнулась,
Раскрыв в грядущий день глаза.
Как облака в саду, раздулась
Моя подушка, вся в слезах.**

СТИХОТВОРЕНИЯ 2013 ГОДА

Триколор

В мире много флагов разных,
Но сегодня разговор
Наш о бело-сине-красном
Под названьем «триколор».

Красный – символ для державы,
Мы – великая страна.
На земном огромном шаре
Есть такая лишь одна!

И, поправ фашистов флаги,
После яростных атак
Над захваченным Рейхстагом
Гордо взмыл советский флаг.

В тот далекий день весенний,
В год, последний для войны
Флаг стал символом Спасенья
И Победы для страны.

Вечной в памяти осталась
Та картина – гордый флаг.
Словно кровь в него впиталась
Всех, потерянных в боях.

Вот цвет следующий, синий,
Богородицы тот цвет.

Бережет она Россию
От напастей и от бед.

Синий – мира цвет и неба,
Есть оттенок – голубой.
Дом лесов и пашен хлебных
Наша Родина с тобой.

Под небес покровом синим
Нам трудиться и мечтать,
Пусть великая Россия
Будет вечно процветать.

Белый – это цвет свободы,
Независимость страны
Завоёвана народом
На полях слепой войны.

Состязались вы в коварстве
Понапрасну, господа.
Наш народ не будет в рабстве
Ни сейчас и никогда!

В триколоре наша сила
Отражается сполна.
Это – матушка Россия,
Необъятная страна!

Музею имени Кюхельбекера

Подождут нас и карты, и глобусы,
Собирались в дорогу не зря,
На студенческом шумном автобусе
Мы ворвемся в конец февраля.

Кругозор пожелаем расширить мы
Среди книг- средь великих друзей,
И сегодня поедем в Каширино,
В наш богатый любимый музей.

По крупицам музей этот создан был,
И вложили биенье сердец
В экспонаты и книжные россыпи
Белоусовы: сын и отец.

А музей не на шутку прославился.
Как здесь любят гостей принимать.
И сюда каждый год устремляемся,
Чтобы край наш родной познавать.

И, конечно, в разлуке скучается,
Как по ком-то из близких друзей.
Пусть живет да в веках прославляется
Дорогой и любимый музей!

**Из цикла « ККК»
(Курган – Кунгур – Киров)**

Ничто мне праздник не испортит...

Вокруг так много судеб разных:
Кто в шоколаде, кто в пыли,
Ничто мне не испортит праздник,
А Вера выше гор Земли.

А Вера выше, чем осколки
Далеких звезд на Небесах.
Вокруг грехов людских иголки,
Но Бог в душе, и тает страх.

Живу душой, не в царстве плоти,
В метели, тишь иль непогоду
Ничто мне праздник не испортит,
А этот Праздник есть Господь.

Суррогат

Суррогатный тихий вечер,
Суррогатный алкоголь.
Суррогатной станет печень,
Суррогатной стала боль.

Суррогатная подруга,
Суррогатной станет мать,
Но от этого испуга
И в помине не видать.

Вот за лень, безделье плата,
Только снова я в пути,
Чтобы в мире суррогата
Настоящее найти.

Лучи знания

Перепаханы снегом дороги,
Перепуганы в холод грачи.
Я стою у доски на уроке,
Сею доброго знанья лучи.

Кто с похмелья пришел, кто в запое,
Кто с собою принес наркоту,
И вступает учитель с толпою
В бой за Родину и чистоту.

Кто-то тихо ругается матом,
Пошлость, тупость, безделие плюс.
И зачем улетали гранаты
Во врага, захватившего Русь?

И за что чья-то кровь проливалась?
И за что смерть героев нашла,
Чтоб Россия катилась, спивалась,
С наркотой отношенья вела?

Перепаханы снегом дороги,
Перепуганы в холод грачи.
Я стою у доски на уроке,
Сею доброго знанья лучи.

Пасха 2013

На рояле – конфеты и ноты,
И стихи на журнальном столе.
В сердце – слова медовые соты,
А Господь – здесь, со мной, на Земле.

Запах свежего хлеба довольный,
И к нему полагается соль,
А на улице звон колокольный
Прогоняет душевную боль.

Тает жизни свеча восковая.
То молитвы шепчу, то стихи.
Лишь Господь мою душу ласкает,
Кровью смыв нагноенья-грехи.

Утро. Город.

Майский день оживет за окном,
Приползет ко мне сонный троллейбус.
Распахнет свою дверь гастроном,
И войдет потребитель нелепый.

Вся в окурках, бутылках земля,
А цветочки шприцы окружают.
На скамейке сидят в тополях
Чернолицые страх - горожане.

А за города четким кольцом
Разместились подруги умело:
Кукла Барби с дебильным лицом
И Матрешка с неправильным телом.

Одуванчик

Мольберт мой установлен на полях,
Душа ликует в жажде акварели.
Еще вчера и панику, и страх
Вселяли здесь и вьюги, и метели.

Зима ушла в арктический предел,
И новая весна в листву влюблялась.
А желтые головки между дел
Повсюду, как цыплята, вылуплялись.

И каждый одуванчик в поле – свой.
Как талисман безоблачный, везучий,
Он впитывает желтой головой
Сквозь тучи пробивающийся лучик.

Мой оплот

Вновь черемухи цвет. День прохладный пророчится.
И препятствия город внезапно воздвиг.
Черновик моей жизни давно уж окончился,
И осталось теперь написать чистовик.

Вся земля лепестками цветов запорошена,
Это летнего утра обычный привет.
И в душе, словно старая шахта, заброшенной
Как свеча, загорит, заискрит Божий свет.

Пусть Добро на Земле этой кем-то украдено,
Моя Вера как мой нерушимый оплот.
И бездонной Любви Марианская впадина
Даже вместе со смертью моей не умрет.

В город Вятку!

Затянувшаяся осень,
В город Вятку держим путь.
Вдоль дороги зубья сосен-
Незнакомой дали суть.

Гор Уральских силуэты,
По ночам – туман слегка,
И ползут перед рассветом
По дороге облака!

Над обрывом – путь-полоска,
Не сверни с неё, держись!
Затянувшаяся осень,
Поэтическая жизнь.

В гостинице Ирень

Постоялый двор «Ирень».
Щедрый Пермский край встречает.
Я забуду страх, мигрень,
И спущусь в кафе за чаем.

За окном уснул Кунгур-
Городок миниатюрный.
Темной ночи конфитюр
Дополняет чай пурпурный.

Я Кунгур душой приму,
Перед сном бы помолиться,
Чтобы утром в гротов тьму
Ненадолго опуститься.

В Кунгурских пещерах

Вдыхая запах влажных гротов,
На миллионы лет назад
Нас привело в пещеры что-то
Под толщу сводов и преград.

Вот на пещеру вид открылся –
Мелькнуло в голове моей:
Здесь словно мамонт сохранился
Как чудеса для наших дней!

А гроты разные по сути:
Зимы начало среди груд!
Они с характером, как люди,
И под землей озера лгут!

Во тьме ничто не беспокоит,
Кунгур как Вечности музей.
Здесь можешь встретить и живое –
Рачков, летучих ли мышей...

Так хаотичны глыбы гипса,
Но ты к ним только присмотришь,
Увидишь силуэты, лица,
И чью-то призрачную жизнь!

Промокли ноги, день простужен,
Едва запомнишь гида ложь,
А после выхода наружу
Свободно воздуха вдохнешь!

Кама

Реки просторной панорама,
Над нею бесконечный мост.
«Да это – царственная Кама!»
Воскликнет озаренный мозг.

Как шаль – туман. Подумать даже
Об этой встрече не могла!
А вот её купчихи-баржи
Плывут неспешно по делам.

Вот это кадр из вехи новой,
Душа впитает новостей!
На горизонте кран портовый
Встречает весело гостей.

И мощь воды, и волн упорно
Тревожит ветер благодать.
От этих царственных просторов
Я глаз не в силах оторвать.

Киров (Вятка)

У него двойное имя,
Горожане говорят.
Познакомлюсь ближе с ними,
Имя – города наряд.

Если это город Киров,
Он тогда по сердцу мне
Теплотой, уютом, миром,
Утром-дождиком в окне.

Если это город Вятка,
Здесь души моей постой,
Удивил меня порядком
И своею простотой.

Но в отеле спозаранок
Загорится мысль одна,
Что любовь моя Кургану
Беспредельно отдана!

Ночные трассы

Вновь фонари – тетради строки,
Их свет мерцает неземной,
Есть только ты, а ночь с дорогой
Несут безудержно домой.

Ведет напарник- навигатор,
В новинку горы, облака,
Но в край родной вернуться надо,
Душа спокойна и легка.

Ночь словно космос поглощает,
Но не окончится путь мой,
А сердце бьётся, ощущая:
«Домой-домой! Домой-домой!»

Музыкальные страницы

Слышу осень, слышу лица,
Шепот листьев на земле.
Музыкальные страницы
Поселились на столе.

Встала осень дирижером,
Но не смерть, а жизнь встречать.
То минором, то мажором
Снова ветер стал звучать.

Вот и голос мой простужен,
Но в душе сопрано свет.
Воспевает снова лужи
Старый мой велосипед.

Вновь октябрь идет в объятья:
Ровно двадцать лет назад
Отшумела моя свадьба
Словно спел осенний сад.

Ноты солнца – бабье лето,
Воздух осени – оркестр.
И звучит Молитвой к Свету
Золотой соборный крест.

Догоняя день вчерашний

Догоняя день вчерашний,
Очень долго не усну.
Я на катере бумажном
Вновь у Творчества в плену.

И легка моя поклажа:
Карандашик да блокнот.
За плечами Ангел стражем
Бестелесно промелькнет.

А душе неважно даже,
Что задача нелегка,
И догоним день вчерашний,
Уходя под облака.

Радость Слова

Я не хочу прожить два века.
Мне бесконечность не нужна.
Стареет сердце человека,
Но не меняется душа.

Лицо не будет белоснежным,
И, умываясь вдруг в пруду,
Я вместо девушки небрежной
Седую женщину найду.

Я буду к этому готова,
Ведут к кончине наши дни.
Но только, Боже, Радость Слова
Ты у меня не отними!

СТИХОТВОРЕНИЯ 2014 ГОДА

Осталось только отчество...

Печаль и одиночество
На сердце без конца.
Осталось только отчество
От моего отца.

Себя стихами славил,
И пролетели дни.
Быть может, стал он Ангелом –
Хранителем моим.

На солнце выть мне хочется,
Молиться без конца.
Осталось только отчество
От моего отца.

Лето ближе

Лето ближе понемножку,
Веселее детвора.
Самолетные дорожки
Прямо с самого утра.

Птичьи трели на рассвете,
Свежесть-зелень ветерка.
Словно мир на всей планете,
Словно будем жить века.

И захватит дух веселья,
Сброшу лишние года.
В этом солнечном апреле
Я останусь навсегда!

Не возьмешь

Не возьмешь алмазов и рубинов
В тот далекий запредельный край.
Дней земных – коротких или длинных –
Опыт вложен в душу, забирай!

Оборвется резко жизнь земная,
Или будет время осознать
То, что, уходя, не умираем,
А могила – вечная кровать.

К небесам поднимется дорога,
Будем пред Всевышним отвечать:
Как мы жили? Вольно или строго?
И получим всяк свою печать.

И решит тогда Всевышний разом:
Вечность иль всего лишь небытье.
Не возьмешь рубинов и алмазов,
Только имя доброе свое.

В апреле

Нервный гнев непонятной метели,
Тротуары закованы в льды.
Заметает мой город в апреле,
Как зимой. Как еще до беды.

Снова город снега заметают,
Словно нового года венец.
И еще я как будто не знаю,
Что так скоро умрет мой отец...

...смерти нет, и в холодное утро
Он явился сегодня во сне,
Прикоснулся душой своей мудрой,
И светлее мир кажется мне.

Не стану!

В меру бойкая, в меру скромница,
Из каких-то своих миров.
Я не стану ничьей любовницей
Среди пыльных земных ветров.

Снова руки мужские тянутся
Увлекусь или отвернусь.
А на сердце опять останется
Сентября неземная грусть.

А на сердце опять отложится
Мой ответ на любой вопрос:
Не мужей я земных заложница,
На иконе – живой Христос!

В пустоте

Раскидала мысли, числа
По блокнотам и листам.
Есть ли смысл в моей жизни,
Коль в округе – пустота?

Не с кем мне разулыбаться.
Не с кем мило щебетать.
А родных моих по пальцам
Можно всех пересчитать.

Солнца свет как отраженный,
Вся Вселенная молчит.
И гляжу на свет зажженной
Восковой своей свечи...

Вот он!

Вот он, ранних стихов детский трепет!
Я в толпе различила его.
Он большой, он великий, он слепит.
Для сравнения нет ничего.

Не кумир, не маяк, не икона,
Не мужчина из давней мечты,
Но увижу в окно иль с балкона
Я величье его высоты.

Может, он и простой, и домашний,
Но мне это узнать не дано.
Это – символ победы вчерашней,
Для него не ушла я на дно.

Звезды лгут, и не знаю, что будет,
Только верю: среди ночи и дня,
Что из тысячи жизней и судеб
Привлекает его лишь моя!

День прошел

День обычно, с рассветом начнется,
И достану свои письма.
В этом мае холодное солнце,
В этом мире я снова одна.

Утонченно, музейно, шикарно
Птица смотрится на проводах,
Удрученные строки бездарно
Утекают. Вода, всё вода.

Все поэты – глупцы. Не дано мне
Божий мир описать, чтоб точь-в-точь.
День прошел, и опять на балконе
Встречу звездно-великую ночь!

На Канарах

Смотрим фильм про острова,
Про Канары, роскошь эту.
Дома сыты мы едва
От обеда до обеда.

Дома – денег скудный звон
От зарплаты до зарплаты.
Никогда не заживем
Мы роскошно и богато.

Кто украл нас, кто продал?
Кто нас жить в сетях заставил?
Жизнь в России как провал...
Исключение из правил.

Карлик-лето

Дождь и тучи до рассвета,
Вы их ждали целый год?
Это лето, карлик-лето,
Без начала к нам идет!

Ветры грубо всходы били-
Полеводам не до сна.
Тетки лето погубили,
Злыдни – осень и весна.

Никому не даст обета
Быть собой, только собой,
Это лето, карлик-лето,
Как Вселенной нервный сбой!

Украина, ридна мати...

Украина, ридна мати!
Пули, стон среди руин.
Это как, с какой же стати
Повторила ты Хатынь?

И как дальше жить ты будешь?
Попытаешься забыть,
Услышав, как воют люди,
Как сквозь пламя просят пить?

Всех продашь: и дочь, и сына.
Нынче доллар у руля.
Ридна мати, Украина,
Православная семья...

Ждать...

Из перфекционистов в лузеры.
У всех бывает в жизни крах.
Как будто кукла кукурузная
В жестоких пагубных руках.

В душе разлад, разноголосица.
Метнусь к окну как к алтарю-
Весь мир по рельсам вдаль уносится,
А я лишь вслед ему смотрю.

Что ж... снова время для протрации,
Но на себе не ставлю крест.
Пока осталась я на станции
Ждать новый радужный экспресс.

**Ольге Берггольц
на повесть «Дневные звезды»**

Илья-Пророк по небу грозно
На колеснице прокатил,
А я в руках «Дневные звезды»
Держу, и слезы льют, нет сил.

Мой город ливень заливает,
Сиянье молний, гром-раскат.
А я как будто попадаю
В блокадный город – Ленинград.

И гром обстрелом Ленинграда
Стал на мгновение для меня.
И истощенные девчата
Спешат восстать против огня.

Да, это «Главной книги» повесть,
Её запомнит шар земной,
И это подлинная совесть,
Не побежденная войной!

Не страшно!

Всё. Я успокоилась устало.
Прекратилась года круговерть.
Я дошла до полного финала
Через одиночество и смерть.

Это оказалось и не страшно,
По счетам сей жизни заплатить.
Потерять того, кто очень важен.
Потерять истока смысл и нить.

И смотрю всё так же на иконы,
И горит свеча передо мной.
Снова дань отдам земным законам,
Видя свет далекий, неземной...

Мой Курган

Это – город. Снова мой Курган.
Это купол золотой на солнце.
Я, проехав много разных стран,
И не испытала тех эмоций,
Когда радость – на границе боль,
Когда счастье – на границе слёзы.
Этот город – моей жизни соль,
Первый мой полет к стихам и звездам.
С рифмой и молитвой два крыла
Вырастают за спиною скоро.
Вновь меня зовут колокола
Александра Невского собора!

Лето не лето

Вот уже желтые листья летят,
Словно не июнь, а конец сентября.
Радует выводок мирных утят,
Дождик слепой да укропчик средь гряд.

Лето не лето, весна не весна.
А на границах России – война.
Злобные духи свой шабаш творят.
Детские слезы впитались в асфальт.

Что еще нужно догнать и успеть?
Скудная жизнь и нелепая смерть,
Это в России нам всем суждено?
Вновь надо мной неба серого дно.

Смерть встречают...

Мысль мелькнула сплошным наваждением,
И пошла набирать полный ход:
Смерть встречают богаче рожденья.
«Отмечая» её целый год.

Там речей много пышных и разных,
Гуляша да компотов размах.
Но для близких поминки – не праздник.
Горя груз на ослабших плечах.

Моя мысль перешла в убеждение,
Путь пройдя от ошибок до проб:
Смерть встречают богаче рожденья,
И торжественней радости скорбь.

На даче

Июль, и дача на Тоболе,
Электростанции корабль.
Мной позабыты жизни роли,
Дней легких, праздничных вуаль.

Так суета ушла случайно,
Твердя, что этот мир нелеп.
Из рук моих подруги-чайки
Получат свой подарок – хлеб.

Живу в господнем мире мудром,
Где солнце, пруд и светляки.
И вновь смотрю, как с каждым утром
Здесь подрастают кабачки.

Здесь и сейчас

Снова город утонул с дождями,
Июль переоделся октябрём.
Люди с социальными сетями
Дружат дома, сидя за компом.

Всё- прогноз погоды, гороскопы.
Распродажи – только позови!
Новости Америки, Европы.
Собеседник, если нет любви.

Незачем разлуки и свиданья.
Паутина шириною в мир
Не объёмлет только мирозданье,
Для планеты всей она – кумир.

Поглотить тебя ей очень надо,
Но не верь, сейчас и здесь живи.
Жди под дерзким южным звездопадом
Новую магнолию любви.

По трассе

Я мчусь по трассе. Отпуск. Лето.
Работу пылью замело.
И только бабочки зачем-то
Кончают жизни о стекло.

На сердце-полная свобода,
И ничего уже не жаль.
От дня рождения – восхода
Невольно мчусь к закату в даль.

А он, всё кровью обагроя,
Живую жизнь перечеркнет,
Неумолимо забирая
Моих родных за горизонт.

В меру

В меру грустно, в меру пусто.
Осень в дверь стучит, маня.
Снова выросла капуста,
Снова меньше стало дня.

Я спокойна, не капризна
Под мерцанием планет.
У кого-то больше жизни,
Но в дряхленьи счастья нет.

Льёт луна, иль солнце жарит,
Всё опять придет к концу.
Но души прозрачный шарик
В небо, ввысь рванет к Отцу...

Вновь...

Вновь под небом обманчиво-синим
Неожиданно встретитесь Вы.
Словно бабочка, скроюсь от ливня
Среди мокрой, послушной листвы.

Теплым пледом – природная нежность.
Пусть вокруг всё сыреет, гниёт.
Эта осень как смерть неизбежна,
И не стоит бояться её.

Вы мне встретились, но не согреться,
Как невроз, отошел этот зной.
И опять моё летнее сердце
Остывает с осенней землёй.

Утро. Ноябрь.

Утром на стекле морозном
Снова кружево блеснет.
То опять вернется осень,
То зима свое возьмет.

И любая бы погода,
Пусть уютно будет нам.
Тихо еду на работу
И присматриваюсь к снам.

Тот же город, те же лица.
Вот – береза, вот – ольха.
Но во мне горит Жар-Птица
Рифмой нового стиха!

Поминки

В опустевшем старом доме
Лишь один хозяин – кот.
И на облаке-пароме
К Богу бабушка плывет.

Прожила она на свете
Девяносто с лишним лет.
Печка, вазочка в буфете,
Где полным-полно конфет.

Люди жмутся у порога,
Моют руки да за стол.
Старый дом взирает строго,
Зная: век его прошел.

Чечь по чести – стол накрытый,
Провожаем душу вдаль.
...лишь висит в углу забытом
Где-то бабушкина шаль.

Моя Сибирская Земля

Я проезжаю сквозь поля,
Летят березовые колки.
Моя Сибирская земля:
Мой век, короткий или долгий.

Но взят билет в один конец –
Дышать однажды перестану.
Здесь бабка, дед да мой отец
Лежат в покое под крестами.

Лишь скрипнет на крыльце доска,
Да ветер посрывает грани,
И неуёмная тоска
В сибирских окнах загеранит.

Но знаю: все печали зря,
Есть для души одно лекарство:
Моя Сибирская земля –
Мое наследство и богатство!

На что уходит наша жизнь?

На что уходит наша жизнь?
Я думаю с тоской и рвением.
Вот – свежий хлеб, тетрадный лист,
Как бутерброд – стихотворенье.

На звон посуды поутру,
На сытный борщ и на пельмени.
На сцену, встречи, детвору,
И мудрость целых поколений.

Но умереть бы, как родиться,
Окончив все свои дела,
И лишь бы там не устыдиться:
«На что когда-то жизнь ушла!»

Сердце и часы

Может быть, сравнение банально,
Сердце и настенные часы.
Для меня же образ тот реальный,
Не для поэтической красы.

Нет отца, теперь уже полгода,
Я смирилась, отступила жуть.
Ну, а эти ходики как годы
Жизни, словно папиной, идут.

Смысл точно понят и усвоен –
Всё вперед в развитии идти.
Это словно сердце, всё живое,
Тикает в родительской груди.

Время, глядя на часы, сверяю,
Улыбнусь, хоть грустное лицо.
И бегут, кончину отвергая,
Стрелки, заведенные отцом.

Гнездо

Мокрое гнездо на старом тополе,
Бисер морозящего дождя.
Город – план афинского акрополя,
Осень всё разрушит, уходя.

За окном – автобусы, троллейбусы,
Птицы, кошки, люди, ребяшня.
И гадаю снова жизни ребусы,
Радуюсь рассвету, встрече дня.

Осень жизнь навеки не застопорит,
Отзвенят дней зимних бубенцы,
И в гнезде, на этом старом тополе
Снова зачирикают птенцы.

Мы

Мы, выросшие в тепличных условиях,
Смакующие спам и кофе,
Страдающие модным пустословием,
Фальшивые в анфас и профиль.

Мы ничего не производим сами.
Для нас родители купили «завтра».
Мы в интернете плаваем часами
И изучаем то восток, то запад.

Но грянет что-то страшное и злое,
И кто-то позовет на баррикады,
То мы собою Родину закроем.
И за неё погибнуть будем рады.

Ты для кого?

На городские панорамы
Опять посмотришь из окна
Ты, для кого простые дамы –
Иконы высшего звена.

В голове

В голове опять проблемы,
За спиной – Святая Рать.
Надо новую поэму,
Надо сборник набирать.

А ноябрь сосуды крутит,
Скок давление под рассвет,
Что же творческим нам людям
Никогда покоя нет?

Только снова не сидится,
Снова хочется бежать
И на чистые страницы
Поезд с рифмой разгружать.

СТИХОТВОРЕНИЯ 2015 ГОДА

Я не ропщу...

Опять февраль на белом свете,
И в одиночестве грущу.
Я расположена к беседе
С самой собой, и не ропщу.

Несет, несет в чужое море,
И нет руля, чтоб повернуть.
Что смерть, коль жизнь – сплошное горе,
А смерти неизбежность суть.

Рожденье – отбыванье срока,
Живешь в грехах, и долг всегда.
Кругом лишь зависть, сплетни, склоки,
Гудят умы и провода.

Я не ропщу, но замечаю:
В такой невыносимой тюрьме
Чем больше я людей встречаю,
Тем больше одиноко мне.

Бараку Обаме, президенту США

Авторитет испачкан сажей,
Курс управленья – в никуда.
Что темнокожий ты – неважно,
Недальновидный, вот беда!

Пусть я политик маломальский,
Но потешаюсь над тобой:
На мир арабский, христианский
Ты в гору катишь камень свой.

Ума не надо, коль есть сила
У всяких барачков обам.
Смирись: Великая Россия
Тебе, увы, не по зубам!

Здесь, на Земле

Я не люблю, чтоб день прошел впустую,
Не нравится терять года, века...
С утра я приглашаю Рать Святую
Со мной отведать меда, молока.

Остался лишь дымок свечи сгоревшей,
Молитвы улетели к Небесам.
Желала на Земле, как каждый грешник,
Остаться без грехов на полчаса.

Глаза стремились к поднебесной выси,
Где вечной жизни белый свет горит.
Но собственные пагубные мысли
Мне душу догрызали изнутри...

Пост Великий

Этот день – ни первый, ни последний,
Время для Великого Поста.
Воздух льёт, торжественно-весенний,
И Небес проталина чиста.

Снова солнце зиму подытожит,
И на жизнь надежду людям даст:
Старикам пройти свой путь подольше,
Детям развиваться каждый час.

Старый кот пригрелся на соломе,
И струится тишь да благодать
На Земле, где ни к чему земному
Нам душой не стоит привыкать.

Посленовогодние поэты

Посленовогодние поэты
Недовольны хамством через край.
Пошловата проза интернета:
«Покупай бюстгалтеры он-лайн».

Кровь из новостей, с войны сочится.
Смерть – причина тысячи разлук.
И на этой горестной странице
Светятся бюстгалтеры в углу.
Как назвать? Кошунство? Хамство это?
Что творится в душах в наши дни?
Посленовогодние поэты
Нервно пишут отзывы свои...

Двадцать семь

Двадцать семь миллионов жизней
Отняла, унесла война
И костлявой рукой капризной
Постирала их имена.

Есть сестрица – не будет брата,
Можно юную жизнь отнять.
И сынка своего. Солдата.
Не дождется седая мать.

Слез и крови сплошные реки,
Смерть, разруха, болезней тля.
По два метра на человека-
Опоясана вся Земля!

Метра два для могилы надо,
Разместить друг за другом их.
И получим земной экватор
Из солдатских сплошных могил!

Вот и семьдесят лет промчалось,
Новый век, новый календарь.
Кто-то снова кричит с запалом
Да нацистское вновь «Sieg heil!»

И роятся порою мысли
Всё вокруг украинских бед.
Если живы еще фашисты,
То за что же погиб мой дед?

Коса на камень

Он вопрошает:

- Нету Бога. Зачем придумала его?
  - А я пишу небесным слогом
- Стихи, не письма. Отчего?

Он мне не верит:

- Что же снова
- Его увидела во сне?
- Лишь отражение земного
- В хрустально-вечной глубине...

Он заключил:

- С тобою жутко
- Мне пребывать и день, ночь.
- Со мной прощайся иль с рассудком...
- И я ушла с молитвой прочь.

Душа ничуть не тосковала,
С Вселенной чувствуя родство.
И до рассвета я встречала
В ближайшем храме Рождество.

Рождество 2015

Дыханье теплой зимней ночи.
И где обещанный мороз?
Покой нам новый век пророчит,
А беды были не всерьез.

Вновь шорох крыльев, душ скольжение,
А эта ночь как снится мне,
И в небесах я отражение
Свое увидела в луне.

И, засыпая с наслаждением
Под мир свечей, икон уют,
Христу шептала: «С Днем Рожденья!
Тебя давным-давно здесь ждут!»

Мой оптимизм

Остатки утреннего чая.
Бормочет радио в углу.
Опять я новый день встречаю
И Небесам пою хвалу.

Зеркальный мир мне улыбнется,
Остатки сна стряхну с волос.
И этот день как жизнь начнется
С того, что в прошлом не сбылось.

И пусть года летят, мелькая
Перед глазами пестротой.
Мой оптимизм со мной, пока я
Не скрыта траурной плитой.

Озеро в барашках (по дороге в Мокроусово)

Как сказать, не знаю даже,
Мне предстали чудеса:
Это – озеро в барашках,
А вокруг – поля, леса!

Перед озером – овечки
И коровы разлеглись.
А барашки-волны лечат
Мою стрессовую жизнь.

Взгляда оторвать не в силах,
Славлю этот миг земной.
Как забавно и красиво,
Словно детство вновь со мной!

Ты говорил

Ты говорил: «Мне всё неважно,
Поникли звезды и мечты.
Я точно понял: мир – продажный.
Но лишь не ты, только не ты!»

Дыханье словно захватило:
Как странно: я и твой причал?
Я в этот вечер уходила,
А ты об этом не узнал.

А время вдруг остановило
На этом свете суету
И фейерверком разразило
Твою земную чистоту.

И, никуда не исчезая,
О чувствах ярких не трубя,
Я день за днем тебя спасаю
На этом свете от себя...

Старый дедушка Сережа

Домик, тополь настороже.
Да скамейка у ворот.
Старый дедушка Сережа
В этом домике живет.

Коль тепло, он на скамейке
Проживает день-деньской.
Холод – в старой телогрейке
Из окна махнет рукой.

«Как дела твои, дедуля?»-
Спросят люди невзначай.
«Поясницу мне продуло,
Вот и пью с малиной чай.

Смерть идет по всем приметам,
Кости ломит в непогодь.
Поживу-ка я до лета,
После приберет Господь».

«Поживи еще, дедуля,
Не мешаешь никому».
«Да пора бы мне к бабуле,
Шибко скучно одному».

Ну, а к лету, чуть попозже,
Слух село оповещал:
«Умер дедушка Сережа,
Никому не помешал»...

Утонут звезды в океане
Утонут звезды в океане
И станут звездами морскими.
Небес диктуется посланье
В разрез с законами людскими.

Среди инструкций, строгих правил
Живет поэт почти полвека,
Поверив в то, что каждый Ангел
Прожил когда-то человеком.

Стакан воды, краюха хлеба.
Молитва, свежий стих как лето.
А в мыслях лишь Господь да Небо,
Во взгляде бьют потоки света.

Свет по рукам и книгам роздан,
Умы и души просветятся,
Но только жаль: морские звезды
В простор Небес не возвратятся...

Дачное творчество

На болоте – Знак Вопросы	Утки важные выводят
В виде крупной цапли замер,	На прогулку малышей.
Восклицательный находим	Беззаботно-бестолково
В изумруде камышей.	Дым над баней за клубился,
Запятые бьют без спроса	Как сюжет – еще не понят,
В крыши-стекла-ставни-рамы,	Но витает над душой.

Дыханье осени

Дыханье осени на грядках,
Пришел оттенок желтизны.
И снова – творчества припадки,
Коротки и тревожны сны.

И в отпуске писать без меры
Под стрелок вечный хоровод.
Сквозь темы бытия и веры
И мне прозрение придет.

Всему и всем приходят сроки,
Мне Ангел задал Свой урок:
«Коль смерть идет сплошным потоком.
То жди Рождения поток».

На листе капустном – слово,
Новый образ зародился,
Вот уже к рассказу клонит
Эпизодик небольшой.

Дождь слепой, улыбка солнца-
Обещание грибное.
В сером небе беглость чаек
Как бегущая строка.

Эта жизнь еще вернется,
Мчит по кругу все земное,
И опять, рассвет встречая,
Скажут «здравствуй» облака.

70-летие Победы

Семидесятилетие Победы
Георгиевской лентой на груди.
Всё реже с ветеранами беседы,
По возрасту пора им уходить.

Семидесятилетие Победы,
А в Латвии – фашистская возня.
Как будто не коснулась смерть, и беды,
И кровью не умылась там земля!

Семидесятилетие Победы:
Последним ветеранам честь отдать,
Ответственность за мирные рассветы
Настала наша очередь принять.

Луна серебряного цвета

Опять он снится до рассвета,
Струится свет его души.
А я, вступая в это лето,
Дела стараюсь завершить.

Мой мозг работой перегружен,
И день – сто километров в час.
Но, чувствуя, как он мне нужен,
Во сне приходит каждый раз.

Он мне все промахи прощает,
Печали превращает в дым.
И, просыпаясь, ощущаю:
Душа опять встречалась с ним.

Ни слова не было в беседе,
Лишь образы слезами луж.
...луна серебряного цвета,
А это цвет родимых душ.

Если будет дождь

Если будет дождь сегодня-
Буду я тогда свободна.
Поливать не надо грядки.
Буду лить стихи в тетрадку.

Сорняки-слова прополем,
Коль сегодня мы на воле.
Продуктивность не снижая,
Станет сборник урожаем!

Сквозь утраты

Сквозь сонмы праздников, трагедий,
На грани тонкости миров
Живу и я в приятном лете
То наяву, то среди снов.

Слезами горю не поможешь,
Стихами разуму помочь,
Чтоб разграничить правду с ложью,
Не перепутав день и ночь.

...она мне кошкою являлась,
Сцепились мы – таков итог.
(Я долго вылечить пыталась
Задетый лапами цветок).

Душа дрожала от ударов,
Был безучастным небосклон.
Но вера есть во мне недаром,
И хлынул Свет родных икон.

Хлебнув из той утраты-чаши,
Молюсь в конце, в начале дня.
И снова смертью смерть поправший
С Любовью смотрит на меня!

Божия коровка

Вот ноты голоса с металлом,
Не подчиняясь суете,
И я естественно стала
В враждебной для себя среде.

Когда привычный мир разрушен,
А новый – время сотворить,
Улыбка – средство для наружи,
Притворный холод изнутри.

Но в глубине меня так ловко
Недели, месяцы, года
Душа как божия коровка
Естественно как никогда.

Новый сборник

Летний день – веселый франтик,
Дождь с грозой, озорник,
Жизнь моя – конфетный фантик,
Новый сборник – выпускник.

Вот, выходит в свет, на волю,
Но во мне волненья нет.
Он в душе моей, как в школе,
Проучился десять лет.

Может, сборник и не лучший,
Но как утренний привет,
Пусть пройдет по вашим душам
И оставит в них свой след.

Пусть на полках не пылится,
Проживет недолгий век.
Пусть он людям пригодится,
Словно добрый человек!

ПРО СТЕРЖЕНЬ

Поэма

1.

Я – ребёнок семидесятых:
Детский сад, карусели и квас.
Свято верили дети когда-то:
Вот, придёт коммунизм и для нас.

Будет всё в магазинах бесплатно:
Молоко, шоколад, конфитюр.
И тогда не вернуться обратно
Пачки разных советских купюр.

Обращались «товарищ» друг к другу,
Каждый был относительно сыт.
Дачи-домики стали досугом,
В магазинах царил дефицит.

К продавщице знакомой бежали.
Вещь – по благу, потом – чёрный ход.
Лишь бы за руку вдруг не поймали!
В ширпотреб одевался народ.

Было детство доверчиво-нежным:
Мама, папа, хрущёвки кирпич.
И казался мне дедушкой Брежнев,
Но главное – Владимир Ильич!

«Ленин – это великий волшебник»,-
Воспитателя помню рассказ.
«Он придумал уйти от лишений
В коммунизм. Будет сказка для нас!»

По соседству – родимая школа,
И забыт без труда детский сад.
Труд учебы с досугом веселым,
И пополни ряды октябрят.

На «отлично» начальные классы,
Начинается школа искусств.
Устаю, но всё хочется сразу,
И усердно с собою борюсь.

Я вступаю в ряды пионеров,
Красный галстук мой – Знамени часть.
В классе стать я пытаюсь примером,
И на первое место попасть.

Пионерские слёты, речевки,
Песня-символ про ночи-костры,
Там, где будущий мир виден четко
Для советской пока детворы.

Но особенный год наступает:
Комсомол и крещение ждет.
Мне – тринадцать, но год добавляют,
Вот где счастья сплошной эпизод!

Примечательно, был планетарий,
И музей, нынче – Невского храм.
Комсомольский билет мне вручали
Волей Господа именно там!

Это – в мае, а зимней порою,
Тридцать первого декабря
Крещена я была, и не скрою:
От души, навсегда и не зря!

Не звучат пионерские песни,
Комсомол долго жить приказал,
Но горит на груди моей крестик,
Это – Правда, Начало Начал!

2.
Жить тогда становилось непросто:
Голова не вмещала никак
Бесшабашный разгул девяностых.
По стране – бандитизм и бардак.

Бандитизм и война на дорогах,
Кто на грани, кто просто банкрот.
Угрожающим, дерзким уроком
Россиянам тогда стал дефолт.

Люди деньги копили годами:
На рождение, свадьбу и смерть.
И в мгновение всё потеряли:
Не понять! Не спасти! Не успеть!

Там Советский Союз развалился,
И осколки зовут СНГ,
Суррогатам путь щедро открылся,
Души к небу неслись налегке.

Вам расскажут могилы-погосты,
Фотографии юных парней
Про кровавый разгул девяностых,
Хаотичный поток пьяных дней.

Разрушались в деревнях домишки,
Города разрастались сполна,
А в Чечне погибали мальчишки,
После школы ждала их война!

Я, тем временем школу окончив,
Поступила с трудом на ин. яз.
Подружив с одноклассником прочно,
Выходить за него собралась.

В Новый год мы катались на горке,
«Паровозиком», с криком «Ура!».
И любовь нас пронзила настолько,
Что мечтали всю ночь до утра,

Как мы будем дружить и встречаться,
Познакомит с семьей он своей,
И появимся вместе на танцах,
То-то будет сюрприз для друзей!

В мае было тогда наводнение,
И виднелись лишь крыши у дач.
Сделал юноша мне предложенье,
Мне ж семнадцать еще, хоть ты плачь!

А в июне уже восемнадцать!
Он принес мне цветы и духи,
И решили мы с ним обвенчаться,
Вместе быть среди событий лихих.

На октябрь назначена свадьба,
Охватила семью суета:
– Где пройдет?
– В деревенской усадьбе,
На природе гулять – красота!

И потом, там родни – полдеревни,
А в столовой – уютно, светло!
Мне деревня всегда душу грела,
Я подумала: «Вот повезло!»

И нас в храме сперва обвенчали,
А потом регистрация в три.
Волновались, сердца так стучали...
Шаг ответственный, что говорить!

Кто-то счастья желал и удачи,
Кто-то спорил: «Недолго им жить.
Слишком молоды. Бедны в придачу.
Парню в армии скоро служить!

А она не дождется два года.
Иш чё, яркая. Будто звезда».
Погоулять им пришлось всем в охотку,
И неважно, кто что там сказал.

Этот брак существует поныне.
И дай Бог не угаснуть ему.
Злопыхателей нет и в помине,
Почему так случилось, пойму...

Никогда не желайте кому-то
То, чего не хотите себе.
Всё исполнится, сбудется, будет,
Только в Вашей несчастной судьбе!

Нам на свадьбе деньжат накидали,
Как положено, все – с Ильичом,
И недели хватило едва ли,
Чтоб потратить их, срочно причем!

В магазинах их не принимали,
Принимали их только ларьки,
Чипсы там, шоколадок медали,
Карамель, сухари, пустяки...

«Марсы», «Сникерсы» – всё нам в новинку,
Мир жевачный, подпольный ликер,
Всплыли кооперативы и рынки,
И валюты весомый набор.

Кто в дворце, кто лежал под забором,
Зыбкой жизни мозайка проста.
А музей, снова ставший Собором,
Пустовать в эти дни перестал.

Перестройка любого порежет
На куски. Плоть познает металл.
Вот где нужен душе прочный стержень,
И в те дни его каждый искал.

Мужа в армию к лету забрали,
Дни летели как бред наяву.
Одиночество – бег по спирали,
Но окончен мной был КГУ.

Вот и школа, и я в ней – учитель.
Сумасшедшая, помню, пора.
По полгода зарплаты не видя,
Мы работали словно вчера!

А ребята времен перестройки-
Пиво, водка, табак, анаша!
И Россия на пьянках – попойках
Опускалась, куда-то спеша.

Кладезь мудрости, прочной и древней,
Стержень падать тогда не давал:
Это – с детства родная деревня,
Это крест на груди согревал.

3.
Где вы, где вы, ребята из класса?
Я на фото смотрю: «Пятый Б»,
Разметалась и смерть, и зараза,
Разгулялась по юной толпе.

Это – Лена, погибла по пьяни,
Это Нина, в тюрьме. Наркота.
Это Дима, и он наркоманит.
А над Женей – могилы плита.

Это были чеченские раны,
Отголоски суровой войны.
Вот Андрюха, на нищенства грани,
Ему дети-жена не нужны.

Это – Юля, убитая мужем,
Вечно пьяным, жестоким притом,
Дети видели жуткие лужи
Крови матери, слышали стон...

А Наташа давно – проститутка,
Своей жизнью довольна она.
Торговать своим телом ей – в шутку,
Объясняет: «Зато не бедна!»

Оля – умница, бизнес в Мадриде,
В голове – много новых идей.
Только я, «неудачник- учитель
За копейки тираню детей».

Мне печально узнать это мнение,
Словно ставят на мне сто крестов.
Где ты, где ты, моё поколеньё
Пионеров – всегдабудьготов!

4.
Майский город после дождя
Словно стимул для новой жизни.
Только, в прошлое уходя,
Годы-пули летят со свистом.

День победы, опять весна,
Бьёт салют в небеса открыто,
А я думала, что война
Под могильной плитой зарыта.

Мне не снилось и страшном сне,
Не вмещается в мозг и сердце,
Что Одесса горит в огне,
Гибнут женщины и младенцы.

Пытки-казни, развал руин,
Изуродованные лица.
А я думала, что Хатынь
Больше в мире не повторится.

Вновь бандеровцы вознеслись,
Повылазили из подполья,
Что же, снова воскрес фашизм?
Что же, снова ему раздолье?

День Победы... выходит, мы
В сорок пятом не победили?
Блики света и сгустки тьмы
Свои копыа опять скрестили...

5.
Я – поэт-летописец полвека.
Никому не пример, просто страж
Этой жизни российской, калеки,
Где спокойствие – только мираж.

Где в секунду себя потеряешь,
И во все времена и века
Снова тело с колен поднимаешь,
Пока есть в тебе стержень, пока!

Нет в России тепличных условий.
Выживание. Злоба. Грызня.
Снова – деньги Америки, снова
Украина – вторая Чечня!

У доски мое место – трибуна,
И она не пустует ни дня.
И смотрю в лица дерзких и юных,
Кто останется после меня?

Воскресение – день размышлений
Для учителя в нашей стране.
Дни рабочие – поле сражений:
Эти дети доверены мне!

Коль ребенок не будет невежей,
В жизни точку опоры найдет,
И восстанет в душе его стержень –
На всю жизнь водруженный оплот.

Нащ российский учитель усталый
При зарплате – трех горьких грошах –
Совершает свой подвиг немалый
На бескрайних больных рубежах.

В этом нет никакого секрета,
Что учитель средь бед и страстей
Обучает не только предмету,
Выживать учит наших детей!

И опять отражает атаки,
День за днем воплощая мечту:
Задушить однополые браки
Да в могилу загнать наркоту.

Чтобы разных нацистских уродов
Не носила родная Земля,
Чтоб Добро и единство народов
Пребывали всегда у руля.

Хватит быть равнодушно-небрежным,
Отступить больше некуда нам.
Самый прочный, надежный твой стержень-
Лишь Россия, родная страна!

Май 2014

ЗА СПИНОЙ

Поэма

1.

По ночам я пишу – вот прорвало,
Словно в сердце плотину снесло.
И несется по венам со шквалом
Снова детство, родное село.

Где-то в нем еще чувствую милость
От судьбы. Далеко до беды.
И страшнейшее, что приключилось –
Полуобморок ранней звезды.

Эти строки – дай Бог, не стенанья.
Обращается к миру душа
С ежедневным эфирным посланьем,
Чьи-то судьбы с минуту верша.

...я устала скитаться по звездам,
Воплощаясь в бездарных особ.
Этот день как мгновение создан,
Будет вечным свидетелем проб

И ошибок: печатных, духовных,
Это – опыт накопленный суть.
Только Творчество – вот что верховно,
Мой единственный избранный путь!

2.

И откуда пошли суеверья?
«Сорок, сорок», – как стрекот сорок.
Из крыла словно выплывают перья,
Отмечая мои сто дорог.

Ну, а чем же плоха вам сорока?
Не домашняя? С тем соглашусь.
Птица-сплетница? Мыслит убого?
Это – птица, впитавшая Русь.

Будет сорок. Кого-то пугает
Курс на пятый десяток подряд.
Я лечу, свои перья теряя,
Не теряя души благодать.

Ну, состарюсь, положим, до срока,
Ну, промолвят «хорош» Небеса.
...только быстрая птица сорока
Облетела весь мир как леса.

3.

«Словно что-то со мной происходит:
В мире – оттепель, в сердце – метель.
Оперенье всегда по погоде,
И венчаю знакомую ель.

И врагов при обзоре не видно,
Но внутри недоверие есть.
Я – Сорока. Сороке солидно
Первой вести по миру разность.

Может птицей военной быть, штатской,
Всем вещать о войне ли, труде.
Может птицей-вещуньей быть в сказке,
Кроме леса не славясь нигде.

Я – Сорока, стрекочется ловко.
Наблюдаю стартующий день,
Выживаю с присущей сноровкой,
Попадая на солнце и в тень.

Отличится ли век сей комфортом
Для Сороки? Да вряд ли,
Пугач иль замена рогатки неловкой-
Ружьецо, птичья смерть, хоть ты плачь!

Убивать тебя нужно-не нужно:
Прогремит острый выстрел шальной,
Упадешь черно-белую тушкой.
Только крылья сложив за спиной».

...стрекоча, недалекая птица
Рассмешила на славу меня:
«Ну, Сорока, кому же годится
Твое мясо для блюд применять?»

Для жаркого? Ну, так, еле-еле,
А в почете сейчас лишь шашлык.
Ты, подруга, стрекочешь без цели,
Не баран, ни свинья и ни бык!»

Вновь она не согласна по теме,
И стрекочет мне в уши, мигрень:
«Ты учти, кровожадное время.
Птица мирная – тоже мишень!»

4.
Коль случилось в России родиться,
Здесь душа понимает без слов:
Славят родину звери и птицы,
Выдыхают деревья любовь.

К стороне этой, светлой и честной,
Не разрушенной ханской Ордой,
После Наполеона воскресшей,
После Гитлера ставшей святой.

У Сороки опять свое мнение:
«Нет роднее российских лесов!
Там, где птиц да зверья населенье
Ежедневно находит свой кров.

Там, где гнезда, нора иль берлога
Среди листьев, травы иль хвои.
И я, мирная птица, Сорока,
Облетаю владенья свои.

Как-то раз мне по полной программе
Браконьеры попортили жизнь.
Собрались на пикник как в рекламе,
Водки быстро в лесу набрались.

И охота пальнуть по мишеням,
Да рогатых в округе ни-ни.
И тут я, как на грех- невезенье,
Стала поводом этой возни.

И с азартом да матом ругаясь,
Дробью били по мне мужики.
Хоть попасть откровенно старались,
С водкой будет ли твердость руки?

На весь лес там пальба раздавалась,
Я летела на всех парусах,
Слава Богу, живую осталась,
До сих пор вспоминаю тот страх!

А когда я укрылась далеко,
То обида во мне поднялась:
Что им сделала птица Сорока?
Почему браконьерская власть?

Я, на ветке березовой сидя,
Отдыхалась насилу пока,
Предаваясь глубокой обиде.
Вижу – «Нива» бежит лесника.

Дядя Гена спешит нам на помощь,
Да к удаче, совсем не один.
Одному браконьеров не сломишь.
Это – шайка упертых дубин.

Дядя Гена с инспектором Вовой,
Да еще с ними пара верзил,
С браконьерами быстро, сурово
Разобрались, да кто б возразил?

Лесникам нынче очень несладко:
То огонь да пожар, то разбой!
Вырубают деревья украдкой,
Засоряют леса чепухой.

И ответьте, Спасителя ради,
Я же к вам не лечу по домам.
Чтобы ваши квартиры загадить.
Почему так относитесь к нам?

Вырубая нещадно деревья,
Разоряете гнезда – наш дом.
Исчезает порядок наш древний,
Исчезает и ваш мир притом.

Перебьете живое, остынет
Жизнь средь этой листвы и травы.
И однажды не в мире – в пустыне
Одинокой останетесь вы.

Вам бы с пьяной башкой хулиганить
Да на «Джипах» по лесу гонять!
Больше некого будет тиранить!
Больше не в кого будет стрелять!»

...Долго-долго в лесу стрекотала.
Проклиная жестокость затаей.
И в итоге понятно мне стало:
Птицы, звери гуманней людей!

5.

Я расстанусь с подругой Сорокой,
В чем-то с птицей согласна вполне.
Не всегда извлекаем уроки
Из истории в нашей стране.

Закрываем глаза год от года
На жестокость, войну и разврат.
Но ответит однажды природа
На духовный и прочий распад.

И взорвутся вулканы с рассветом,
Наводнение затопит жилье,
И сотрет человека планета
На все веки с лица своего!

А пока не иссякло терпенье,
Выживает планета Земля:
То космических станций паденье,
То кислотность дождя словно тля!

Очищайте и мысли, и души,
Сколько можно бездумными быть?
Мы пришли эту землю разрушить?
Мы пришли эту Землю сгубить?

Потерять нам недолго, признаться,
Голубую планету совсем.
Сколько было здесь цивилизаций?
Может, восемь, а может быть, семь...

За спиной моей сорок полетов
По орбите Земли-корабля.
Моя жизнь лишь кусок эпизода
Этой общей картины «Земля».

Я по звездам устала скитаться,
Мир зеркально-похожий искать.
И, как наша планета, по пальцам
По Вселенной таких сосчитать.

Даже есть где подобие жизни,
Или люди, иль кто-то еще,
Мне дороже земные сюрпризы
И рассветы-закаты её.

Пусть Вам смерть на секунду приснится,
И тогда Вы прозреете в миг.
Что еще не успело случиться
До тех пор, пока Вы не старик.

Что Вы сделать еще не успели,
Вам покажется ясным тогда.
За спиной и дожди, и метели,
Только в будущем – дни и года!

Что же, с Вами, читатель, прощаюсь.
Пусть подольше путь будет земной.
Только с мыслью живите, сверяясь,
Что останется там, за спиной?

Декабрь 2014-январь 2015

РАССКАЗЫ

КОЛЬША

Он всю жизнь прожил со своей матерью, тетей Пашей (так на деревне звали Павлу Даниловну). С рождения ребенок «не удался», как поговаривали злые языки. Еле разродилась Даниловна, аж в райцентр гоняли лошадку соседскую. Своя-то, сельская акушерка, не справилась. Добрые люди вперед головой идут, а Кольша наш ногами вышел. И ладно бы в городе родиться, там народу много. И не узнать бы никому. Да в деревне все всё друг про друга знают.

Отец Кольши, Василий, погиб, перевернулся пьяный на тракторе в карьер когда мальчику было полгода. Так и рос паренек безотцовщиной. Мать пыталась прокормить семью, подрабатывала мытьем полов в школе и магазине, и даже в небольшой больничке-медпункте. Но денег все равно не хватало. Тетя Паша была маленькая, сухонькая, с мелкими чертами лица и жиденьким пучком волос. Ходила чаще всего в рабочем темном халате. В холодное время года гардероб менялся на фуфайку, старые подшитые валенки, серую и уже давно не пушистую шаль. Платки тетя Паша почему-то летом не носила, и бабы звали её простоволоской.

Родственников у Даниловны и Кольши не было, и соседи иногда из жалости давали им молока или простокваши. И тогда тетя Паша из благодарности предлагала помыть крыльцо или подмести двор, а зимой помогала убирать снег за оградой. Кольша тоже с детства ходил с матерью на работу или по соседям помогал грядки полоть. Затем, когда стал постарше, игрушки детям чинил, камеры велосипедные в вулканизаторскую таскал. А руки у него были золотые! Мужики все как один подмечали: мастеровой парень. А бабы, видя нескладного паренька, только качали головами: «Не живать тебе, Кольша, семьей. Страшный ты больно уродился».

А был он и впрямь страшненький: маленький, худенький в мать, голова крупная с жиденькими светлыми волосиками,

маленькие подслеповатые глазки и очки в крупной черной оправе на пол-лица, да передние зубы торчали как у кролика. Кольша с детства привык, что над ним смеялись, но рос беззлобным. Когда он понимал, что веселятся над ним, то начинал корчить рожицы и плясать. Люди, вдоволь насмеявшись, шли своей дорогой, а он по своим делам.

Когда началась школа, учителя просто пожимали плечами: Кольша обучению не поддавался. Промучилась с ним тетя Паша, и домашние задания делала, и обучалась вместе с ним у учителей, благо в школе тоже полы мыла. А он только глупо улыбался на уроках и отмалчивался. Из класса в класс его переводили только из жалости к матери. Да и не было на селе вспомогательной школы. Да и в райцентре тоже. Зато на уроках труда Кольше не было равных. Делали скворечники, так у него самый красивый, узоры по дереву вырезали, так у него самые замысловатые!

Посовещались учителя и решили, что дотянут Кольшу «за уши» до восьмого класса, да отправят на столяра учиться: всё нужная профессия: и мебель в школе подремонтировать, и улы делать, а если, не дай Бог, кто помрет, и тут он пригодится, гроб сколотит. На том и порешили, и трудовик Михалыч, спокойный и добрый старичок с густыми бровями, взял над Кольшей шефство. С той поры они и были как мастер и подмастерье. Тетя Паша нарадоваться не могла, так и говорила соседкам: «Вот, умишка-то Бог не дал, зато руки у его. Кольши, золоты!». И дома паренек все отремонтировал понемногу: старые табуретки, колченогий столик, забор подправил у палисада. Коромысло удобное матери сделал. Соседкам понравилось, такие же заказали. И всё в дом прибыль да копейка!

После окончания восьмого класса Кольша отремонтировал старый велосипед Михалыча и поехал на нем поступать в училище на рабочую профессию. В армию он был не годен по состоянию здоровья: зрение и так было слабым, очки все увеличивали свои толстые линзы. А Кольша только беспомощно улыбался. Врачи в райцентре советовали матери копить деньги и ехать в госпиталь, на операцию. Но Кольша утешал тетю Пашу, что вот когда окончит училище, пойдет работать и сам решит свои проблемы.

В ПТУ он был одним из лучших, его возили в город, на

конкурс профмастерства, где он занял первое место. После состязания к пареньку подошел пожилой мастер с ближайшего завода и предложил устроиться на работу. Кольша, ни минуты не сомневаясь, отказался. «Вот чудак деревенский», – подумал мужчина, глядя на нелепо улыбающегося Кольшу. А тетя Паша только обрадовалась, что её сын будет с ней рядом, не исчезнет в городе, может даже навсегда...

С девушками у Кольши встречаться не получалось, как и пророчили бабы деревенские. Да он и сам никуда не ходил. Вечерами, после мастерской, наскоро ужинал с матерью, затем доставал из кармана сто грамм конфет, каждый день разных, чтобы порадовать мать. Чай был заварен заранее, черный, густой, бодрящий...Затем смотрели телевизор. Тетя Паша, как правило, вязала кружки, расстригая на полосочки старые тряпки, а Кольша то вырезал из дерева игрушки для детсада, в основном, солдатиков или животных, или ремонтировал какие-нибудь старые вещи по просьбе соседей.

Телевизор тоже иногда ломался, он был старый, черно-белый, марки «Горизонт». Его они с тётёй Пашей купили с рук в соседней деревне, когда с Кольшей понемногу стали рассчитывать за ремонт своих вещей благодарные «клиенты». Скопилось немного денег. Телевизор был уже старичком. То экран начинал рябить на самом интересном месте фильма, то приходилось перемещать антенну, переключаясь на другой канал. Но Кольша не бросал его и лечил, как доктор пациента, до полного выздоровления.

Жизнь шла тихо и спокойно: ничто не изменялось годами, десятилетиями. Кольша в рабочей одежде да кепочке ходил в свою мастерскую, одевался как мужик. Видать, потому и казался старше своих лет. И всё бы хорошо, да на шестом десятке слегла тётя Паша. Сначала просто чувствовала слабость по утрам. Пересиливая себя, вставала, варила вкрутую яйца, резала хлеб, ставила чайник на огонь... Затем, когда Кольша, позавтракав, уходил в мастерскую, она снова ложилась в постель и лежала до обеда. Сын, заподозрив неладное, повез мать в больницу, в райцентр. Сосед, дядя Миша, выручил. Да «Москвич»-то у него еще веселого оранжевого цвета. Ну и сдали анализы для обследования, мать оставили на неделю в больнице.

Кольша был сам не свой. Без матери он ничего не ел, долго не мог уснуть ночами, прислушиваясь к шорохам: то мышь метнется по кухне, то ветка от ветра застучит в оконное стекло. Каждый вечер он ходил на переговоры с больницей, на почту, расположенную в здании конторы, только вход был с другой стороны. Телефонистка Валентина Ивановна очень жалела Кольшу, видя, как грустно глядят его глазки сквозь толстые линзы безобразных очков. Но неделя прошла, и Кольша с дядей Мишей с самого утра покатали в больницу на веселой машине, чтобы забрать тетю Пашу. Пока дядя Миша помогал женщине дойти до «Москвича», врач уточнил:

– Вы ей сыном приходиться?

Кольша кивнул и заглянул в большие карие глаза доктора. Взгляд был добрым, но то, что сказал врач, оглушило:

– Тогда Вы должны знать, что у матери Вашей обнаружена злокачественная опухоль. Как пойдет болезнь, сколько осталось жить, неизвестно. Может, месяц, а может и десяток лет.

В моей практике бывало всякое. Попробуем, конечно, сделать операцию, продлить ей жизнь. Ну, и химиотерапию пройдет... Только Вы ей ничего не говорите. И еще... поддержка ей Ваша сейчас нужна. Про день операции мы Вам сообщим, когда освободится место в палате. Ну, вот и всё пока. Крепитесь, не унывайте, голубчик, иначе она обо всём догадается.

Руки Кольши тряслись, когда он взял стакан с водой, протянутый доктором. Но в машине его ждала мама, и она ничего не должна была узнать. Он судорожно глотнул воды, попрощался и вышел...

Она прожила еще полтора года. Стала такой лёгкой-лёгкой. Сын выносил её на руках и усаживал поудобнее на подушку, которую он укладывал на скамью перед оградой. Стоял тихий август. Жары уже не было. Чувствовалось дыхание осени, особенно по вечерам. Тетя Паша любила смотреть звездопады. Раньше-то заботы о сыне и подработки занимали всё её время. Было не до звезд. А теперь вдруг появилось столько свободного времени. Делать она ничего не могла, сын сам о ней заботился. В зеркало смотреть не хотелось – лицо ссыхалось и морщинилось всё больше, оно стало похожим на лицо гномика из сказки. Сколько она весила? Килограмм тридцать, может. Есть уже не хотелось, только мир становился выразительней с каждым

днём. Заплакала только раз, после ухода соседки, которая принесла ей старое платье своей дочки и детскую кофточку. Прежние вещи давно уже не подходили.

В тот день Кольшу все почему-то стали называть Николаем, а дядя Миша и вовсе похлопал его по плечу и сказал:

– Ну, вот и всё, Николай Васильич, теперь один остался. Держись, мужик, как-нибудь.

Посреди комнаты лежала тетя Паша в сколоченном Кольшей гробу, обтянутом красной тканью с черными ленточными оборками. Народ входил, мужики снимали кепки и, виновато потоптавшись, поскрипев по давно некрашеному полу проходили ко гробу, просили по обычаю у тети Паши за всё прощения и спешили выйти в ограду, чтоб закурить. Бабы держались пожелезней. Беседовали про помощь с поминками, про то, что надо бы Николаю хоть кошку или собаку завести, а то ведь тоска! Кто-то невесту предложил подыскать, но как-то робко это прозвучало, и умолкли все...

А вечером Кольша подождал, пока соседки помоют пол, уберут занавески с зеркала и уйдут, достал из шифоньера мамыны прежние платья и разложил их на кровати. С минуту он смотрел на эти вещи, затем бросился на кровать, зарылся в них лицом, пытаясь уловить родной запах, но они пахли только нафталином. Сколько он так пролежал, неизвестно, только вдруг накатила на него какая-то тёплая волна. Кольша услышал стук в окно, машинально поднялся и пошарил рукой по кровати, нащупал очки, нацепил их на заплаканное лицо и побрёл на равномерный звук.

За окном было темно, и только крупные звёзды на небе как-то лихорадочно перемигивались. Одна из них вдруг сорвалась и стремительно промелькнула по небосводу. И Кольша вдруг ясно ощутил тёплые мамыны руки, которые вытирали слёзы с его щёк... а может, это тёплый ночной ветерок прорвался сквозь открытое окно...

Март 2013

КОМНАТА С РОЯЛЕМ

Я проснулась от ощущения прекрасного и воздушного: какой чудесный неземной сон! Видела свою квартиру, но как будто шире и светлее, чем в действительности! На дворе – октябрь, а у меня во сне был теплый солнечный апрель. Окна открыты, прозрачные кремовые занавески из органзы колыхались от легкого ветерка. Я сама не видела ни рук своих, ни ног, ни отражения в зеркале. Мне просто было легко и свободно.

Времени не существовало, времени суток тоже. По ощущению души, это было утро, но не раннее, с полусумасшедшими людьми, догоняющими маршрутки и бросающимися под колеса ослепленных водителей перед пешеходным переходом. Это было удобное время, когда ты выспался вволю, прошел на кухню, вскипятил чайник, умылся, заварил любимый чай или кофе. Апрель был ближе к его окончанию – свежий ветер, запах новой зелени и ожидание лета.

В середине зала, который вырос из тесной комнаты, ожил рояль. «Как жаль, – подумала я, – что не умею играть!» А рояль вдруг притянул меня к себе, как магнит скрепку, и заиграла музыка моей души. Я чувствовала, что играю именно я, но не прикасаюсь к клавишам. Музыка казалась родной и знакомой, как материнская колыбельная.

Не было никого вокруг, но я не чувствовала одиночества. Всё пространство заполнялось Любовью. Казалось, что я – самый любимый кем-то человек на Земле, женщина, которую любят роковой любовью. Или я – младенец, которого любят в семье, забавляются с ним и играют...

...возвращение было таким больным, как удар затылком об лед на тротуаре. А я уже успела так уютно устроиться в этом сне, а тут вымерзший насквозь ноябрь, суматошный понедельник и завал на работе...

Жизнь на Земле – наказание? Почему одни люди отнимают у других возможность жить так, как хочется? Почему мы шесть дней проводим на работе, среди чужих лиц, и только единственный выходной для своих родных? Почему родители, бабушки и дедушки, умирают в тоске и одиночестве, а мы в это время мечемся в поисках заработка, пишем бесконечные отчеты, бумаги, за что-то платим, делаем сотни ненужных дел, навя-

занные непонятно кем.

Выхожу на улицу, стараюсь не промочить ноги. Добираюсь до остановки, жду троллейбус, потому что на нем ездит меньше народу, и проезд дешевле. Экономлю на всем!

Неудобства, недоделки, стресс, страх... Когда это кончится?

Я еду по темному и сырому городу и улыбаюсь: может быть, когда я вынесу все эти трудности, постарею и буду невозмутимо и спокойно ждать смерти. Что я увижу? Быть может, комнату с роялем?

Ноябрь 2014

ХМЫРЬ

В дачном поселке «Дубки» снова стало оживленно. Вот и «бабье царство» Васютиных переселилось жить на дачу. Это – баба Лена, полная приветливая старушка, её дочь, Светлана Дмитриевна, дама средних лет с грустными глазами, и внучка, симпатичная девушка, Александра. Баба Лена, Елена Павловна, работала когда-то поваром в заводской столовой, а теперь давно уже была на пенсии. На даче она всё лето активно занималась соленьями и вареньями. Светлана Дмитриевна была учителем рисования и черчения, в «Дубках» устраивала себе пленер и запечатлевала живописный пруд, на берегу которого находилась дача. Саша, то есть Александра Николаевна, работала в школе учителем истории, а теперь была, как и многие из её коллег, в отпуске.

Появившись на своем небольшом участке в четыре сотки, бабье царство обнаружило, что соседняя заброшенная дача стала обитаемой. На берегу озера, заросшем камышами, раскидывал сети какой-то мужчина. Он был высокий и очень худой – кожа да кости, одет в камуфляжный костюм и светлую летнюю кепку, на ногах – резиновые сапоги. Лицо его было смуглым, а взгляд колючий, внимательный и хмурый. Сосед по даче, не стесняясь, окинул изучающим взглядом женщин. Затем, не считая нужным поздороваться, вошел в свой нелепый недостроенный, но местами уже развалившийся домик.

– Батюшки. Хмырь-то какой, – вырвалось у бабы Лены.

С той поры и пошло: «Хмырь» да «Хмырь». Александра Николаевна с точки зрения своих двадцати с небольшим лет сочла соседа почти стариком, мало обращая на него внимание. Иногда она хотела, правда, сделать ему замечание, мол, неплохо бы здороваться с соседями. Светлана Дмитриевна относилась к незнакомцу с беспокойством и недоверием. «Надо бы узнать у председателя или казначея, что это за тип», – сказала она как-то за завтраком. Саша, работая со школьниками, уже неплохо научилась разбираться в психологии. Она попыталась успокоить мать: «Сосед появился раньше нас, тем не менее, двери не взломаны, всё у нас на месте, ничего не пропало. Вон, и машинка у него старенькая со знаком «Инвалид». Живет да живет человек потихоньку на свою маленькую пенсию, сети ставит, рыбу ловит. Никого не трогает. По-моему, он абсолютно безобидный!»

– Где уж там, безобидный! – не согласилась баба Лена. – Глянь, Хмырище-то какой! Ни здравствуйте, ни до свидания! А взгляд-то какой! Вылупится да изучает нас с головы до пят. А после отвернется да идет в свою халупу.

От казначея, Тамары Сергеевны, Светлана Дмитриевна узнала, что сосед их – это прежний и самый настоящий хозяин дачи, просто освободился недавно из заключения, а ноги вот отказывать стали. Инвалидность оформил. На даче живет, потому что другого жилья нет. Жена его из тюрьмы ждать не стала, развелась да за другого вышла. А в квартире той он и прописан не был. Мужик, говорят, вроде нормальный, выжить пытается. Рыбу ловит. Продает на рыночке...

Где-то в начале августа у подруги Александры Николаевны был день рождения, и дружная компания молодых учителей собралась в городской квартире. У Ксении Леонидовны, русо-веда, были и физруки, молодые люди весь вечер осыпали девушек комплиментами. Домой Сашу отпустили уже за полночь и то – нехотя. Вызвали такси.

Таксист, узнав, что ехать нужно в дачный поселок, сказал:

– Хорошо, знаю я «Дубки». Доставлю без проблем, только высажу Вас у домика сторожа, а то дальше асфальт кончается. Да и улицы узкие – не развернешься!

Саша подумала, что это недалеко от её улицы, и согласилась.

Рассчитавшись с водителем, она неторопливо пошла по улице. Кое-где между дачами виднелось озеро, в лунном свете можно было различить плотки. Девушка шла с хорошим настроением, в голове все еще струились пузырьки «Шампанского», она вспоминала анекдоты физруков и улыбалась. Она не успела пройти всего-то ничего, когда из камышей появились три парня. Один из них, самый высокий, перегородил ей дорогу и сказал:

– А ну, сука, деньги, кольца, серьги, быстро! И показал ей нож.

Испугаться Александра даже не успела, потому что со стороны озера появилась еще одна фигура. Это был Хмырь. Недолго думая, он ударил веслом по рукам нападавшего, и нож улетел в камыши. На обидчиков один за другим посыпались удары...

– Ва-алим, – заорал высокий своим подельникам, и все трое побежали вдоль улицы и скрылись в темноте.

– Вы не бойтесь, – услышала она глуховатый голос. – Наркоманы местные. Больше не вернутся. Никто Вас здесь не тронет! Идите домой...

Саша посмотрела на своего спасителя и поняла, что он совсем не старик, лет ему где-то около сорока... И больше он ей не казался угрюмым, правда, чем-то походил на цыгана. Ей захотелось поблагодарить его и рассмотреть поближе, но с озера уже послышался плеск воды и шорох удаляющейся лодки...

На следующий день подвиг соседа Васютиных стал известен всей улице.

– Вот тебе и Хмырь! – сказала Светлана Дмитриевна своей матери.

– И никакой он не Хмырь, а Евгений Геннадьевич. Утром спросила, как звать-величать, – ответила баба Лена, упаковывая пирожки с яблоками для спасителя своей внучки.

Июль 2015

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ КАК ЖИЗНЬ В КРЕДИТ

В тот вечер село Бакулино облетела новость: Алька разбогателя и поднялась! Соседка её, Таня Речкина, рябая и некрасивая женщина, непоседливая как сорока-сплетница, пролетела по ближайшим улицам: «Пугачиха-то чё разбогателя! Кредит, говорит, в городе взяла, в банке, ага. Сто тыщ, говорит! Домишко покосился, глядишь, кухня под себя же завалится... Да что там! Глянь ко, чё она набрала: кондиционер, мультиварку, телевизор огромный, антенну спутниковую. Ну не дура ли? Я сама всё видела, привезли на газели, разгружали».

Люди реагировали по-разному. Одни, мол, ну и пусть полюдски поживет, пенсию оформила, отдаст потихонечку, правда с переплатой... Другие злобно шипели:

«Вот шалава, всю жисть для себя прожила, с мужиками таскалась, не рабатовала, а тут еще жировать будет!»

На деревне её звали Алькой Пугачихой за то, что она по вечерам часто ходила по улицам под руку с очередным ухажером и горланила песни. Репертуар у местной «певицы» был разный: «Ветер с моря дул», «Напилася я пьяна», а иногда уж совсем новые. Всё зависело от возраста мужчины, который с ней в тот вечер прогуливался.

Выглядела Алька очень даже неплохо, несмотря на свой образ жизни: худенькая, аккуратненькая, глаза карие, узкие, взгляд пронзительный. У неё была неизменная стрижка «Каре», а в русых волосах даже не было седины, хотя ей недавно стукнуло пятьдесят пять, и она оформила пенсию...

Пугачиха любила знакомиться с заезжими шоферами, которые привозили в магазины продукты или промышленные товары. Притворялась Алька покупательницей, разговор заводила, слово за слово... Обалтывала мужичков. Если простоватый какой попадался – к себе звала «на чай». Были и такие в «пугачевской» практике, кто задерживался на неделю-вторую, а когда у того кончались деньги, Алька выгоняла мужичка и отправлялась на поиски новой жертвы. На худой конец, был еще один шанс. Шофера возили глину и песок с карьера, можно было попроситься подвезти до дома. Пугачиха уходила по дороге за лесочек, как будто приехала с города и шла от автобуса, останавливала грузовики, и опять слово за слово...

Продавщицы продуктового, зная Альку как облупленную, гоняли её и ругали почему зря. Она огрызалась, злясь, когда очередной водила узнавал от Михайловны или Петровны подробности «пугачевской» биографии. А в промтоварном работали молодые женщины, которым было не до Альки. Они снисходительнее относились к её «охоте», потому что сами пытались как-то устроить личную жизнь. А на селе это сделать нелегко. Иногда Пугачиха устраивалась мыть пол в больнице или в столовой, да только ненадолго. Появлялся очередной кавалер, или кто-нибудь из местных мужиков, загулав по-черному, переселялся к ней, потому что мешал домашним спокойно жить. Тогда она просто не выходила на работу, и всё было понятно.

Ходил по деревне дедок, Степан Ильич. Спокойно ходил, неторопливо так прогуливался с тросточкой. А было ему уже к девяносто годам. Он одевался в старый, но опрятный костюм, а на голове – светлая кепка, козырек которой надвинут до самых седых бровей.

В холодное время года кепка менялась на старую кроличью ушанку, овечью тяжелую шубу и чуни. Старичок любил останавливать односельчан и балагурить с ними «за жизнь», поскольку никуда не торопился.

Кто-то спешил по делам или на работу, и только отмахивался: «Извини, Ильич, некогда. В другой раз поговорим». И дедок не обижался: «Оно и ладно, в другой дак в другой...».

А в этот летний вечер старичок семенил со своей палочкой по улице Почтовой, где жила Алька. Было уже восемь часов вечера, прошли коровы, и Степан Ильич боялся сослепу наступить в «следы», оставленные стадом. И тут он увидел Пугачиху. Она уныло курила на лавочке у своих ворот. Ильич обрадовался и прибавил скорость, чтобы не упустить желанную собеседницу. Но женщина и сама, кажется, никуда не собиралась уходить. Она отрешенно бросила окурочек в песок и втоптала его в землю старой тупелькой.

– Здорово, Алевтина Димитревна! – начал было Ильич, – как живешь-поживаш, добра наживаш?

Она почему-то слегка дёрнула плечиком при последнем «живешь-поживаш», сказала тихо, когда дедок уже на скамью усаживался:

– «Живу-поживаю», говоришь? Добра наживаю? Да, извес-

тно как. И тебе донесли! Жирую... Вон, вся деревня уж обсудила это. Все мои косточки перемывают. А ты, Степан Ильич, разве не слышал? И кондиционер у меня есть, и телевизор, видишь, тарелка спутниковая. Шестьдесят каналов!

– Телевизор знатный! Это мы понимаем. Остальна-то хреновенькая зачем?

– А, знаешь, Ильич, хочу я как люди пожить. А то всю жизнь – полы мыть да людей смешить. А жить-то неизвестно сколько осталось... – глаза её, и без того печальные, ещё больше помрачнели.

– Оно, Аленька, не знаешь, когда Бог приберет тя... Я вот баушку свою восемь годов как схоронил, думал, что и сам не жилес... Жду-пожду, заберет Марья Егоровна к себе... Не забират! Не нужен, видимо, там ей... Нашла поди каво... – старик захихикал, а в глазах промелькнула грустинка.

Алевтина отмахнулась от назойливых вечерних комаров, и продолжила тихо:

– А умирать, Ильич, всё равно когда-то придется... Только со мной-то всё быстрее получится...

Степан Ильич не перебивал, только повернулся к ней и посмотрел долго и внимательно.

– ...вот и решила напоследок пожить как люди. Пенсию-то теперь получаю, хоть и маленькую. Узнала от шоферишки одного, что в городе есть банк, который даже пенсионерам кредиты выдает. Вот и съездила. А про болезнь свою умолчала...

– А то бы не дали тебе денег... понятно дело. Пушай тебе в больнисэ операсью каку-нить сделают, заплотишь коли запросят денег, выздоровеш...

– Поздно, дедуля... Они, конечно, врачи, люди добрые. Сердце, говорят, больное у меня... Не выдержит операцию... Да и опухоль эта в легких... Лекарства я выкупила, сердце подлечить сказали. Тогда и операцию можно. А на деле, Ильич, ждут, поди, подохну, да и не мучиться со мной да с операцией... – губы её задрожали.

– Не трави себе душу до время-то, – сказал Степан Ильич. – Знаш, как там говорится в народе-то: «Пить будём, гулять будём, коли смертушка придет – помирать будём».

– Так-то оно так, сижу вот только да думаю: а на что она, жизнь-то моя, ушла? Молодость пролетела, а в избе – ни ребен-

ка, ни котенка... – и она зашуршала пачкой, доставая новую сигарету.

– Завязала бы ты Аленька, с этой дрянью. Погубит она тебя раньше сроку...

– Уже погубила, – закурив, ответила женщина, и нахмурилась еще больше. Так продолжалось несколько минут. Старик понимающе молчал. Вдруг Пугачиху как подменили. Она резво вскочила, словно воробей вспорхнул с ветки, бросила сигарету, и пошла плясать по кругу перед лавочкой, палисадом и Степаном Ильичом. Затем она запела частушку, словно кто-то подыграл ей на гармошке:

Буду я частушки петь,
Пока не оглохну.
Мне бы к милому успеть,
А то скоро сдохну, у-у-х!

– Вот так вот, Ильич, – запыхавшись, почти упала она на скамью. – Сама сочинила!

Затем, окинув взглядом дом и огород, сказала задумчиво: «Кому-то теперь всё достанется? Хоть тебе, Ильич, отписывай, ты один со мной только, как с человеком-то говоришь. А остальные как с собакой подзаборной... Вроде худого ничего никому не делала. А что мужиков пьющих привечаю, так они же их на улицу, на погибель выбрасывают! И вообще, – она засмеялась каким-то неприятным хрипловатым смехом, – спасибо хоть бы сказали! Я же их, болванов неотесанных, ласкам обучаю да под бабьи юбки обратно возвращаю. А не захотела бы, не отдала!»

Старичок поморщился:

– Бог тебе судья, Алевтина Димитревна. Но коли честно сказать, всё думаю: вот отес от твой, Димитрий, фронтовик был. Награды боевые имел... Хорошо хоть не дожил да не знат, как ты живеш да поживаш...

Пугачиха отодвинулась от старика и как-то съежилась:

– Ладно, дедуля, ты папку не трожь. И про мать не вспоминай. Позор я для них, сама знаю. А на могилках была недавно, на родительскую субботу, прибиралась... и прощенья попросила, и попрощалась заодно. И решила так: я успокоюсь, и все успокоятся. Я же себе новую жизнь в кредит взяла!

Ильич непонимающе посмотрел на неё. Она придвинулась к нему поближе и стала воодушевленно объяснять.

– Знаешь, я тут в больнице пол мыла и часы песочные на подоконнике увидела. А тетя Лиза, медсестра-то, заметила, что смотрю я на них да смотрю, и предложила мне их в подарок. Без надобности, говорит, они ей, время для прогревания на приборах теперь автоматически устанавливается. Так я теперь сижу вечерами, переворачиваю часы, и течет песок снова из одной колбочки в другую. Так и я, понимаешь, переверну жизнь как часы... И потечет песочек, по-новому. Сколько бы ни осталось.

Уже стемнело, почти ничего не было видно, фонари на столбах не горели. На небе, как на крупном экране, стали проявляться бледные звездочки. Степан Ильич попрощался и побрел домой. А Пугачиха всё сидела и думала: «Вот это всё – дом, улица, деревья, звезды – всё останется. А я скоро закончусь. Уйду...даже знаю место, куда закопают, сама и отгородила себе. Зато рядом с папкой и мамкой. Может, так и не страшно будет? А что, если смерти нет? Здесь усну, там проснусь, а родители ждут меня, сидя у кровати...», – и горячие слезы потекли по щекам от таких мыслей. Казалось, они никогда не кончатся. Но прошло всего минут десять, и наступило успокоенье. Душа смирилась со всем и просветлела. Очень робкая мысль проскочила где-то на заднем плане, как ночная тень от ветки на стене: «У соседней кошка по весне окотилась, надо бы котенка попросить»...

Сентябрь 2013

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ. ВЕРНУТЬ НЕВОЗМОЖНО

Вот и вернулся на Землю май-месяц. Я еду на кладбище, чтобы прибраться на могилах родных. «Марина Максимовна!» – окликает меня тетя Ира, мой неизменный компаньон в таких поездках, – «а ведь мы словно живем от мая и до мая, а не от Нового года до Нового года, как другие люди»...

Быстро прибрав могилы, мы помолились, воткнули в землю искусственные розочки и гвоздички, закрыли оградки и стали пробираться к трассе, где нас ждал в машине мой отец. Тетя Ира зовет меня по имени-отчеству, потому что я работаю в школе первый год. Она хочет, чтобы я и дома привыкала к такому обращению. Своих детей у тети нет.

Выходила она замуж еще в студенческие годы, забеременела, но своего угла у молодых не было, по общагам скитались, да и учеба была на первом месте. Сделала тетя Ира аборт, за что и поплатилась: больше забеременеть и родить ребенка у неё не получилось. Диплом пединститута был в кармане, а муж ушел... Так её ребенком стала я, племянница, дочь младшей сестры.

В этом году я не только окончила университет, но и «выскачила» замуж, и тут тетя Ира мгновенно активизировалась: от её советов просто не было спасенья!

«Мариша, ты постарайся года два поработать, ну, на вторую категорию сдать, чтоб зарплату побольше получать»- это она звонит с утра, часов в 7. И я представляю её маленькую квартирку на другом конце города, иконы по всем стенам, свечу, сгоревшую во время утренней молитвы, размышленья о моей жизни. Да какой там моей? Она словно сама проживала мою жизнь вместо меня! Вот, в тот же день прихожу с работы, опять звонок. В трубке – тревожный голос: «Мариша, не слушай ты меня, дуру старую! Если забеременеешь, то рожай! Подождет эта карьера, а я помогу водиться с ребенком. Только аборт не делай, а то получится как у меня: ни ребенка, ни котенка. И муж ушел. Вот как Бог наказал!» А в голосе у тети Иры уже затаились слезы.

Внешность у тети хоть и невзрачная – светлые редкие волосы, вечная стрижка «под мальчика», серые глаза, белесые брови и ресницы. А главное – очки. Но доброта исходила от неё невидимыми волнами. Это признавали все её воспитанники, а проработала тетя Ира воспитателем всю жизнь в одном и том же

детском саду. Те, кто не знал мою маму, считали, что я – дочь тети Иры, хотя муж мой считает, что у меня волосы гуще и глаза выразительней.

Когда я поступила в универ на педагогическую специальность, тетя Ира даже моим родителям заявила: «Это она в меня пошла!» И опять бесконечные советы: «Мариша, надо пионерлагерь для практики недалеко от города выбирать. Я тут на автобусе тебе пирожки привезу... Марина, отряды-то будут распределять, ты выбирай малышей, а то большие-то дылды забеременеют, тебе потом отвечать»... Ох уж эта большая тема тетечки!

Несмотря на пионерско-комсомольское детство, тетя стала набожной: она читала молитвы утром и вечером, зажигая свечу перед иконами. Вот и сейчас – молитвы: мы пробирались с ней мимо могил, она останавливалась почти у каждой из них читала имена, и шептала: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Божьего или усопшей рабы Божией...» А потом она рассказывала немного об этих людях, это были её одноклассники или соседи по деревенской улице.

«Клещей бы не нацеплять», – опасалась я, когда мы вошли в небольшой березовый лесок. Тетечка прошла вперед, а я отстала, заправляя брюки в носки. Распрямилась, и вдруг, как вспышка эта фотография! С памятника на меня смотрела словно Мирей Матье в юности. Приблизившись к оградке, я прочитала высеченные на памятнике слова: «Забыть нельзя. Вернуть невозможно». С фотографии на меня смотрела яркая брюнетка с умными, живыми глазами. Аккуратная стрижка-каре, чуть заметная улыбка, рукава-фонарики летнего платья – всё это излучало жизнь и молодость, а сама обстановка с этим не увязывалась. Я прочитала: «Дружинина Ольга Сергеевна, 16.05.1948-23.08.1966» Мое сердце наполнилось жалостью и грустью: «Такая красивая! Что же случилось?» И я позвала тетечку.

Тетя Ира приблизилась и уже по привычке поднесла ко лбу правую руку, чтобы перекреститься, как вдруг остановилась и произнесла упавшим голосом: «Ах, Оленька, прости. За тебя нельзя молиться, ведь ты сама...» И мы побрели к машине. Тетя Ира словно ждала вопроса, она не торопилась пробираться дальше по кладбищу. А я всей душой переживала это несоответ-

ствии жизни на фото и смерти в реальности, наконец, спросила: «А что с ней случилось?» Тетя бросила на меня быстрый взгляд, затем кивнула мне: «Пойдем». Как будто Ольга Сергеевна могла нас услышать!

Выехав из березового лесочка, мы почувствовали облегчение: могилы прибраны, долг выполнен в очередной раз. «Тетечка, так что же случилось с этой девушкой, красавицей с фотографии?»

«Это о ком она?» – спросил отец, разгоняясь на трассе на своих новеньких «Жигулях».

«Да об Ольге Дружининой, ровеснице моей. Из «А» класса. Помнишь?»

«А», – слегка нахмурил брови отец, – «да, такое тогда время было. А сейчас, глядишь, этого бы и не случилось. Не то общество, не те люди».

А тетя Ира мне всё рассказала, как и обещала. Она вещала своим воспитательским голосом, словно страшную сказку на ночь перед сном. Да история получилась не сказочная:

«Оленька Дружинина была приемной дочерью нашего деревенского плотника, Анатолия Петровича. Мужик он был суровый, неразговорчивый, все тогда очень удивлялись, глядя на его ухаживания за новой заведующей клубом, Анной Ивановной. Она переехала из райцентра, чтобы поднимать культуру на селе. У Аннушки уже был опыт работы в большом Доме культуры и неудачный семейный опыт. Подруга отбила её мужа-красавца, укатив с ним жить в город. А у Анны Ивановны осталась на попечении дочка, Оленька. Черные кудряшки, большие карие папины глаза. Веселушка, одетая как куколка. Анна для неё ничего не жалела, да и дочка не «израстала», как говорили про детей-подростков, а хранила детскую миловидность, хоть было ей уже семь лет.

Анатолий тогда еще не был ни разу женат, да и баб-то не видывал, но тут с бирюком произошло чудо. В советское наше время в клубе часто были собрания, вот на одном из них Анатолий увидел Аннушку, остановился, как громом его ударило: стояла она в дверях, народ встречала да в зал приглашала, сама-то молодая, стройная, прическа-шишечка на затылке, с боков – две завлекалочка, платье светлое, новое, да туфли на каблуках! В народе пошел слух о красоте да об одиночестве

новой завклубом. Разведенка с ребенком! Пока парни слюнки пускали, а мужики заглядывались да раздумывали, Анатолий провожал её каждый вечер домой после вечерних сеансов кино, даже пытался заводить разговор. Но, в основном, слушал больше, чем говорил...

Приехала Анна Ивановна к нам в деревню в мае, а в декабре, перед самым Новым годом, сделал Анатолий ей предложение. Совсем изменился человек: приоделся, в кино стал ходить. Вот, после сеанса, когда они шли по замерзшей улице, поскрипывая по свежему снежку, так и сказал:

– Выходи за меня, Аннушка!

Молодая женщина ничего не ответила, но, помолчав какое-то время, на пороге дома оглянулась и сказала:

– Давай поговорим об этом завтра.

Дочка сидела за столом и рисовала животных: кошку, зайчика, лисичку. «Надо бы отдать её в изостудию», – подумала Анна. Она погладила темные Олины волосы и поставила чайник на плиту. Она присела рядом с дочкой, раздумывая над предложением Анатолия.

Оля была очень привязана к маме, особенно с тех пор, как их бросил её отец. Она и спала только с мамой, и на работу ходила вместе с ней. «Как ей сказать о том, что в доме появится чужой дядя?» – думала Анна. «С другой стороны, если до её отца донесется, что мы пережили его побег и предательство, что у нас все хорошо, и есть новый папа... Пусть позлится и поревнует. Пусть поймет, кого он потерял! Так ему и надо! А Толя хороший, у него и детей своих нет... Другой бы не взял с чужим ребенком, а этот предлагает. Может, и сложится у нас всё?»

После свадьбы Оля впервые ночевала одна в маленькой спальне. В чужом и, незнакомом доме. Анатолий перевез их к себе, потому что дом у него был большой и просторный. Девочка положила на мамино место куклу Машу, а от стены, чтобы не страшно было, плюшевого медведя с большой головой. Мама приходила несколько раз за ночь, проверяла, не разделась ли Оля во сне, не сбросила ли одеяло на пол. А кошка, которая жила у Анатолия, очень подружилась с девочкой, и, возвращаясь с ночных походов, устраивалась спать рядом с Олей или в ногах её. Так дочка постепенно привыкала к отдалению матери.

Сначала всё шло хорошо: Оленька пошла в первый класс.

Порхала, как веселая пичужка, была хорошей ученицей. Через год у Анатолия и Аннушки родилась дочка, а через три года – сынок. Анна Ивановна погрузилась вся в заботы о маленьких детях, а Оленьке доставалось всё меньше внимания. К тому же, девочка стала замечать, что отчим с появлением собственных детей стал с ней холодным и жестким. Но Оленька не унывала, она старалась проводить дома как можно меньше времени. Записалась во все кружки в клубе, да еще спортивные секции в школе. Вечерами она быстро съедала свой ужин под угрюмым взглядом Анатолия, закрывалась в спальне и учила уроки.

Так пролетели школьные годы. Оля выучилась петь в хоре, танцевать русские народные танцы, быть ведущей на школьных вечерах и концертах клуба. Анна Ивановна решила отдать её в училище культуры в городе. Там Оля чувствовала себя, как рыба в воде.

Никогда не забуду Новогодний вечер: Оленька пела все эстрадные песни под баян, водила хороводы с малышкой, а на взрослой ёлке парни приглашали её танцевать просто наперебой. Я тогда, честно говоря, очень ей завидовала... Стояла в углу, никому не нужная. А она- то с одним, то с другим. И смеялась так заразительно. Но пролетели праздничные дни, закончились Олины каникулы. Мы не виделись с ней до лета.

В июне я успешно сдала летнюю сессию в педучилище, купила билет на автобус и ждала посадку на платформе. Вдруг увидела Ольгу и была неприятно поражена перемене: всё было то же, красивая модная одежда, аккуратная стрижка... Меня смутил её взгляд, там поселился какой-то затравленный зверь. На меня смотрела безысходность. Мы сели на соседние сидения, и я всю дорогу рассказывала ей про своих однокурсников, преподавателей, первую практику на уроках в школе. Она меня почти не слушала, и я обиделась. Отвернувшись к окну, я смотрела на родные поля и леса, которые не видела давно из-за учебы и городских будней.

Мы вышли на нашей остановке, автобус покотил дальше в клубах пыли. У перехода через речку Ольга повернулась ко мне, глаза были глубокими и потемневшими. Она сказала: «Ириша, давай я тебе что-нибудь на память подарю. Просто так.» Я удивилась, а она уже достала из тетради с конспектами красивую сувенирную ручку. Оля увидела мой восхищенный взгляд

и слабо улыбнулась: «Держи. Она твоя». Я в свою очередь тоже порылась в сумочке, но не нашла ничего путного, поэтому сказала ей, что забегу завтра...

Страшная весть облетела деревню на следующий день: Оленька Дружинина была найдена матерью и отчимом в петле, в сенках. Приехала милиция, пытались даже Петровича обвинить. Мол, змей, недолюбливал падчерицу-то. Это соседи у нас такие были неравнодушные...

Но Анатолий был настолько растерянным, а Анна Ивановна, которая вернулась с репетиции праздничного концерта к Дню села, чуть с ума не сошла от горя, рыдала, ломала руки, падала на колени... Версия убийства отпала сама собой. А причина самоубийства стала ясна после вскрытия: девушка была беременна. Вот и всё.»

Тетя Ира замолчала, а я только и смогла повторить папины слова: «Да, такое было время... Беременность без брака – позор... Но где же тогда были психологи, преподаватели, подруги? Все же видели, что Ольга изменилась. Почему она ни с кем не поговорила? Не доверяла никому. А мать перестала быть близким человеком...»

«Знаешь, сколько раз я задавала себе этот вопрос? Именно я видела её одной из последних... Но Оленька, видимо, уже всё продумала. Знаешь, Марина, я поняла, что это сконцентрировалась и таким ужасным способом вышла наружу вся её ненужность и недолюбленность в этом доме. Родной отец бросил ребенка ради смазливой бабенки, подруги его жены! Появился отчим, для которого она была нахлебницей, как ни крути... Этот хмурый взгляд, провожавший каждый кусок хлеба, который Оля съедала... Всё это излучал отчим, всё это она невольно впитывала в себя и накапливала годами, хоть и пыталась мужественно с этим бороться... А Анна Ивановна пыталась создать новую семью, она решила устроить личную жизнь, и старшая дочка боялась ей помешать... Забеременев, став проблемой, она устранила и себя, как надвигавшийся мамин позор...

Аннушка опомнилась после похорон дочери только через год, пришла ко мне и просила рассказать, о чем мы с Олей говорили, возвращаясь на автобусе из города. А потом у неё вырвался тот же вопрос: «Ну почему она со мной не поговорила?»

Мы нашли бы выход...» И тут же замолчала, а потом залилась слезами.

У меня на столе лежал сборник стихотворений восточных поэтов. Анна Ивановна открыла наугад страницу и прочитала мне вслух: «Забыть нельзя. Вернуть невозможно». Она задумалась, потом попросила листок бумаги и карандаш, и выписала эту фразу... Так и возник на кладбище между бедных могил со звездами шикарный памятник, заказанный в городе. У Оленьки всё как всегда, самое лучшее: оградка, фотография, и этот самый памятник... Да, Марина Максимовна, вот так приходится порой додавать тепло и заботу, которые не успел обеспечить человеку при жизни...

Май 2015 года

СОДЕРЖАНИЕ

С душой и любовью (В. Потанин)	3
ОБЛАКА В МОЁМ САДУ	5
СТИХОТВОРЕНИЯ 2013 ГОДА	6
Триколор	6
Музею имени Кюхельбекера	7
Из цикла «ККК» (Курган – Кунгур – Киров)	8
Ничто мне праздник не испортит	8
Суррогат	8
Лучи знания	9
Пасха 2013	10
Утро. Город	10
Одуванчик	11
Мой оплот	11
В город Вятку!	12
В гостинице Ирень	12
В Кунгурских пещерах	13
Кама	14
Киров (Вятка)	14
Ночные трассы	14
Музыкальные страницы	15
Догоняя день вчерашний	15
Радость Слова	15
СТИХОТВОРЕНИЯ 2014 ГОДА	16
Осталось только отчество	16
Лето ближе	16
Не возьмешь	17
В апреле	17

Не стану!	18
В пустоте	18
Вот он!	19
День прошел	19
На Канарах	20
Карлик-лето	20
Украина, ридна мати	21
Ждать	21
Ольге Берггольц на повесть «Дневные звезды»	22
Не страшно!	22
Мой Курган	23
Лето не лето	23
Смерть встречают	24
На даче	24
Здесь и сейчас	25
По трассе	25
В меру	26
Вновь	26
Утро. Ноябрь	27
Поминки	27
Моя Сибирская Земля	28
На что уходит наша жизнь?	28
Сердце и часы	29
Гнездо	29
Мы	30
Ты для кого?	30
В голове	30

СТИХОТВОРЕНИЯ 2015 ГОДА .....

Я не ропщу	31
Бараку Обаме, президенту США	31
Здесь, на Земле	32
Пост Великий	32

Посленовогодние поэты	32
Двадцать семь	33
Коса на камень	34
Рождество 2015	34
Мой оптимизм	35
Озеро в барашках (по дороге в Мокроусово)	35
Ты говорил	36
Старый дедушка Сережа	36
Дачное творчество	38
Дыханье осени	38
70-летие Победы	39
Луна серебряного цвета	39
Если будет дождь	40
Сквозь утраты	40
Божия коровка	41
Новый сборник	41
ПРО СТЕРЖЕНЬ. Поэма	42
ЗА СПИНОЙ. Поэма	50
РАССКАЗЫ	57
Кольша	57
Комната с роялем	62
Хмырь	63
Песочные часы как жизнь в кредит	66
Забуть нельзя. Вернуть невозможно	71